

ББК 63.3(543.0)4

А.А. Бурханов

**Лебапский регион в эпоху Средневековья
(историко-археологический очерк
побережья среднего течения Амударьи)**

Ключевые слова: Средневековье, Среднеазиатский регион, тюрки, кочевники, контакты и связи, контактные зоны, историко-культурное развитие, археологические исследования, керамика, терракотовые фигурки, саманидские монеты, караванная торговля, государство Саманидов, торговые пути, область Амударьи, Бухарский оазис, Хорезм, Хорасан, Средняя Амударья, Лебапский регион, Амударья-Чарджуй, переправа, городище, крепость, оазис, туркменские племена.

Key words: the Middle Ages, the region of Central Asia, Turks, nomads, contacts and relations, contact zones, historical and cultural development, archaeological researches, ceramics, terracotta figures, Samanid coins, caravan trade, the state of Samanids, trade ways, the area of Amudarya, the Bukhara oasis, Khorasm, Khurasan, the Middle Amu Darya, the Lebap region, Amul-Chardzhuy, a river crossing, a site of ancient settlement, a fortress, an oasis, Turkmen tribes.

Лебап – Средняя Амударья – область Амударьи и Земля – основная часть Лебапского вейлата Туркменистана, прибрежные территории бассейна среднего течения Амударьи (Восточный Туркменистан) [1, с. 75–81; 2, с. 6–9, 83–91; 3, с. 51–52].

Основная жизненная артерия Лебапского региона – Окс – Джейхун Амударья являлась главной торгово-транспортной магистралью всей Центральной Азии. В среднем течении в историческом развитии отмечается наличие 4-х основных переправ, среди которых самая важная, стратегически выгодная и удобная на трассе Великого шелкового пути располагалась в районе исторического центра региона Амударья-Чарджуй [2, с. 35–37; 3, с. 51–52, 54; 4, с. 27–29, 32].

Результаты археологических исследований позволили охарактеризовать Среднюю Амударью как контактную зону с широкими историко-культурными связями и выделить в регионе три крупных историко-культурных оазиса – Керкинско-Мирзабекский (южный), Карабекаульский и Чарджоуский (центральные), а также примыкающие к ним с севера земли Дарганского оазиса (Южного Хорезма). Названные оазисы разделены между собой пустынными зонами [2, с. 6–10; 5, с. 102; 6, с. 187–189, рис. 1; 7, с. 106–107, 120–121].

В сочинениях авторов IX–X вв. побережье среднего течения Амударьи делилось на две историко-культурные области: Земля, соответствующей ареалу южной, керкинско-мирзабекской группы памятников, и Амударья, владения которой включали Чарджоуский и Карабекаульский оазисы [3].

Долина Амударьи интенсивно обживалась в разные исторические эпохи [6, с. 187–189; 7, с. 105–124; 8; 9; 10, с. 35–41; 11, с. 75–81].

Археологические материалы позволяют говорить о достаточно плотном освоении рассматриваемой территории уже в I тыс. до н.э.

Многочисленные археологические материалы подтверждают, что наиболее интенсивное обживание территории рассматриваемой области приходится на время вхождения этих земель в состав могущественной Кушанской империи. В это время усиливаются историко-культурные контакты с сопредельными территориями, но прежде всего с Бактрией – ядром Кушанской державы [2; 3, с. 52–53; 6, с. 187–198; 7, с. 107–110].

Если в эпоху кушан Лебапский регион твердо входил в состав могущественной империи и тесно примыкал к его ядру – Бактрии, то после сасанидского завоевания он становится периферией огромного государства. Но несмотря на это «провинциальный фактор» не очень сильно влиял на жизнь небольших и средних поселений, характерных для рассматриваемого региона. В кушано-сасанидское время чувствуется определенное влияние и культурное воздействие сасанидского Ирана, однако оно происходило не непосредственно, а через Маргиану – одну из значительных провинций и культурных центров могущественного государства [3, с. 53–55; 12, с. 85–92].

В V–VI вв. в истории Лебапа начинается новый период, обусловленный ослаблением Сасанидов и включением в состав государства эфталитов, а в дальнейшем образованием на этой территории мелких самостоятельных владений [13–14]. Они образовались уже на базе устоявшихся историко-культурных оазисов области. Этот период формирует новый облик материальной культуры, во многом отличный от предшествующего, но генетически с ним связанный.

В IV–VII вв. Лебапский регион в культурном отношении в целом чувствует влияние Согды и кочевого мира, особенно это ярко выражено на материалах Чарджоуского оазиса [15, с. 44–46; 16; 17, с. 36–37].

Выделение памятников раннесредневекового времени представляет значительную трудность из-за слабой изученности комплексов региона. Основным же поисковым признаком для указанного периода является крупный сырцовый кирпич прямоугольного формата. Общеизвестно, что смена квадратного кирпича на прямоугольный в Бактрии и Согде произошла в V в. [18, с. 212]. Этот вывод, судя по последним археологическим данным, можно распространить и

на памятники Лебапа (Арапхана, Одей-депе, Чишленкала, Ходжа-Идат-кала, Хазарек-депе).

В это время усиливаются оборонительные функции крепостей, укрепляются храмы и цитадели мелких поселений, превращаясь в мощные замки, способные противостоять осадам и атакам врага (Хазарек-депе, Ак-кала). В связи с упадком крупных городских поселений замок становится характерным явлением в жизни также населенных пунктов Согда и Бактрии [12, с. 90–91; 19, с. 12–13].

Керамический комплекс рассматриваемого времени, в частности для области Амуля, характерен появлением крупной тары с желобчатым, Г- и Т-образным венчиком, с грубым пористым и плохо обожжённым черепком, с потёками на внешней поверхности. Как известно, сосуды, украшенные потёками, характерны для памятников Средней и Нижней Сырдарьи эпохи поздней древности и раннего Средневековья. Такие же сосуды широко распространены на территории Согда в IV–V вв., особенно в Бухарском Согде [20]. Археологические исследования показали, что появление этой керамики в области Амуля следует относить ко второй половине IV в. [21, с. 100–108].

Активное влияние кочевого (тюркского) мира на культуру Лебапского региона в раннем Средневековье ясно видно по материалам коропластики. Так, в частности, в Битык-кале и Бешир-кале встречены терракотовые фигурки – бюсты воина тюркского типа [17, с. 36, рис. 63, 2, 80; 22, с. 20]. Воин из Битык-калы облачен в чешуйчатое защитное одеяние.

Важны терракотовые фигурки так называемых всадников-идольчиков (всадников-уродцев). Обычно эта посаженная на конька фигурка всадника, выполненная в грубой форме от руки, в обобщенной манере, со схематически изображенными руками. Его поза явно сидячая. Обычно отклоненная назад головка – в остроконечной кочевнической шапке, ясно намечены черты широкого лица, с заостренными, как бы птичьими, носом и подбородком, глаза выделены круглыми налепными лепешками. Образ всадника-уродца был широко распространен в искусстве раннесредневековой Средней Азии.

Среди находок из поселений Средней Амударьи имеется немало терракот, изображающих лошадок. Широкое распространение фигурок коня со всадником или без него связано тем, что в Среднеазиатском регионе с его разноэтничным оседлым и кочевым населением конь – особо почитаемое животное, так как коневодство издревле являлось составной частью хозяйственной жизни, в частности проводилась специальная работа по селекции особых пород лошадей, активно используемых в военных действиях.

Среди предметов вооружения в Лебапском регионе отмечены наконечники копий и трехлопастные стрелы. Появление таких стрел в Согде специалисты связывают с вторжением тюрков и арабов, но имеются

свидетельства местного среднеазиатского развития этой формы [23, с. 71–78; 24, с. 71–78]. Так, в частности, найденные нами в Арапхане железные трехлопастные наконечники, на основе сопровождающего материала (монеты и керамика) датированы V–VII вв. Б.А. Литвинский, рассматривающий наконечники стрел VI–VIII вв., отметил большое разнообразие их форм и размеров. Принято считать, что распространение в раннем Средневековье новых форм наконечников и укрупнение их размеров связаны с появлением тюрков и кочевников [23, с. 76–78, рис. 44–46; 25; 26, с. 143–145, рис. 66]. Укрупнение размеров наконечников стрел зависит от усиления защитного вооружения: доспехов (пластинчатый панцирь, кольчужная рубаха, шлем с кольчужной бармицей, защищавшей лицо). Очевидно, небольшие стрелы, широко использовавшиеся в древности, уже не могли пробить доспехи нового образца.

Основные направления историко-культурного развития контактов и связей Средней Амударьи прослеживаются в целом и в эпоху развитого Средневековья. Контакты Среднеамударьинской области с другими регионами Центральной Азии, в частности с Мервом и Согдом, усиливаются в связи с арабским завоеванием и вхождением в единый историко-культурный регион – Хорасан. Известно, что арабы после овладения Мервом не сумели сразу подчинить Амуль. В частности, после умершего в 672 г. арабского наместника Хорасана ар-Раби новому – по имени Абдаллахуб бин Худжра – пришлось вести борьбу с жителями города на Амударье. Когда Амуль и прилегающие земли вошли в состав халифата, неясно. Но известно, что в VIII в. и позднее Амуль – один из внутренних административных округов, где правил арабский амир [1, с. 77; 27].

В IX в. Мерв, Хорезм, области Амуля и Земма входят в удел династии Тахиридов. Частые находки саманидских монет в поселениях Средней Амударьи (Навидах, Гебёклы, Линг-Линг-депе, Кекреле-депе, Шамбе-Базар) документально подтверждают вхождение региона в могущественное государство Саманидов и усиление контактов с Бухарой [3, с. 54–55; 11, с. 38–39; 17, с. 61–71; 28, с. 70–97]. В IX–X вв. на Средней Амударье пересекаются торговые магистрали из Хорезма в Мавераннахр и Тохаристан. Дальнейшее развитие караванной торговли способствует заметному росту Амуля, Навидаха, Битыка, Земма и других населенных пунктов. Макдиси называет Амуль «многонаселенным, изобилующим жизненными благами, хорошо обеспеченным водой». Данные письменных источников подтверждаются историко-топографическими и археологическими материалами и говорят о высокой культуре населенных пунктов региона [27–29; 30, с. 12–13, 20–30].

Выгодное расположение Амуля и других городов-переправ нередко становится и их бедой. В начале XI в.

за влияние в регионе ведут борьбу последний саманид Мунтасир и тюрки. Так, в 1035 г., когда сельджуки двинулись из Хорезма в Хорасан, они на своем пути разграбили Амуль, Земм и другие поселения Лебапского региона. В государстве «великих сельджуков» город становится важным и сильным укреплением.

В XII – начале XIII в. область Амуля продолжает в этно-культурном отношении тяготеть к Бухарскому оазису, однако в политическом плане входит в состав Хорезма. Это подтверждается археологическими данными, в частности находками хорезмийской керамики (хумы с «палочкообразным венчиком») и монет Мухаммед Аллад-дина (1190–1220 гг.) – последнего хорезмшаха перед монгольским нашествием. Материалы наших раскопок, в частности находки железных ассиметрическо-ромбических наконечников черешкового типа с наибольшим расширением в верхней части (Кыз-кала) и терракотовых фигурок (Амуль, Халачжи-кала), позволяют допустить, что в хорезмийских гарнизонах в Средней Амударье могли служить воины-кыпчаки из Приаралья, которые играли значительную роль в укреплении обороноспособности и мощи этого государства [31, с. 41; 32, с. 185]. Они же могли в составе войска хорезмшаха Мухаммеда участвовать в походах на Мавераннахр.

В 1221 г. Амуль и близлежащие крепости были захвачены монголами. Город стал плацдармом, откуда монгольские войска под предводительством Тули двинулись на завоевание Хорасана [27; 29].

После вторжения монголов жизнь в оазисах Средней Амударьи, особенно в южных, замирает, что, скорее всего, связано с разрушением или заброшенностью оросительных систем и бегством населения. Раскопки показали, что в Карабекаульском оазисе из 31 известного археологического памятника единственным, где выявлены материалы XIII–XIV вв., является Линг-Линг-депе [10, с. 39–40; 33, с. 70–71]. Правда, быстро восстанавливается большинство среднеамударьинских поселений, особенно в северных, примыкающих к золотоордынскому Хорезму, оазисах Лебапа, многие из которых были взяты монголами без боя и остались неразрушенными.

Выгодное расположение Амуля и среднеамударьинских оазисов не могло не сыграть своей роли. Правившие в значительной части Средней Азии представители династии Чагатаидов по достоинству оценили стратегическую важность города-переправы на скрещении дорог и уже во второй половине XIII в. его восстановили.

В XV в. Амуль, как и многие приамударьинские поселения, входит в состав могущественного государства Тимуридов и играет важную роль в военно-стратегическом плане. Наши раскопки на городище Амуль-Чарджуй свидетельствуют о высокой материальной культуре города в указанное время. Найдены керамическая посуда с сине-голубой роскошной поли-

вой, остатки глазурированных изразцов того же цвета, остатки построек из кирпича, камня и известняка, а также изделия из металла, стекла, камня, монеты.

Однако в целом в это время в Южном Хорезме и северных районах Средней Амударьи многие поселения из-за походов Тимура на золотоордынский Хорезм в 80-е гг. XIV в. прекращают свое существование.

В конце XV – начале XVI в. Амуль становится известным под названием Чарджуй. Последние данные о прежнем названии города встречается в описании военных походов Тимура, где упоминается переправа Амуля. В «Бабур-намэ» новое имя города впервые отмечено в событиях 1498 г., когда говорится о «чарджуй гузари» (чарджуская переправа).

В течение длительного времени Амуль-Чарджуй сохраняет значение важнейшей переправы через Амударью на трассе Мерв–Бухара. Здесь находилась важнейшая лодочная переправа. Активно действовали переправы также у Керков и Навидаха (Кешк Зухратахир у Бурдалыка). Через Амульскую переправу проходили торговые караваны, путешественники и войска завоевателей.

В 1504 г. в ходе похода на Хорезм городом овладевает Шейбани-хан и Чарджуй входит в состав узбекского государства, а позже – во владения бухарских эмиров.

Начиная с 40-х гг. XVIII в. население региона было втянуто в длительную войну против правителя Ирана Надир-шаха, который решил завоевать Бухару и Хиву. Его войска переправляются у Чарджуя на правый берег Амударьи и летом 1740 г. вступают в покоренную без боя в Бухару [27; 30; 34, с. 217–229].

В ходе боев против иранцев местные жители укрепляют свои крепости, особенно южнее от Чарджуя, в Карабекаульском оазисе. В частности, туркмены-эрсари, прибывшие из Мангышлака, начинают оседать в Лебапском регионе еще в XVI в., для них характерно рассредоточенное расселение и строительство крупных крепостей, для сооружения которых использовались остатки древних (кушанских) и средневековых городищ [33; 35, с. 72–85]. Эрсаринские крепости были воздвигнуты на месте городищ Чишлен-кала, Кутнам-кала, Ходжа-Идат-кала, Султаннияз-бий-каласы, Халачжи-кала (у Халача) и др. Они возводились на базе древних поселений, повторяя конфигурацию оборонительных сооружений кушанского времени, возводя новые стены из комьев и сырцового кирпича.

Приход туркменских племен на Среднюю Амударью проходил в XVI–начале XVII в. и был связан с поворотом этой реки и опустошением территорий на Мангышлаке и берегах Узбоя. Переселение этих племен продолжалось до XIX в. [34; 36; 37, с. 28–29]. Существенное влияние на уход туркменских племен из Мангышлака и Сарыкамыша оказали набеги ногайцев XVI в., калмыков в XVII в. и казахов в XVIII–XIX вв., а также политические события XVI в. – образование в Средней Азии государств – Хивы и Бухары.

Библиографический список

1. Бурханов, А.А. Амударья-Чарджуй – столичный центр среднеамударьинского региона / А.А. Бурханов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик ; Омск, 2001.
2. Бурханов, А.А. Древний Лебап. Археологические памятники области Амударья / А.А. Бурханов. – Казань, 2005.
3. Бурханов, А.А. Лебап от кушан до саманидов / А.А. Бурханов // Ирано-славика. – М., 2006. – №3–4.
4. Бурханов, А.А. Амударья-Чарджуй на трассе Великого шелкового пути / А.А. Бурханов // Известия Алтайского государственного университета. – 2008 – №4/3.
5. Пилипко, В.Н. Поселения северо-западной Бактрии / В.Н. Пилипко. – Ашхабад, 1985.
6. Бурханов, А.А. Памятники кушанского времени в Карабекаульском оазисе Средней Амударьи / А.А. Бурханов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск ; Омск, 2008.
7. Burkhanov, Albert A. Ancient and medieval Lebab / Albert A. Burkhanov // Social-Natural History. – М., 2007.
8. Гулямов, Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времён до нашего времени / Я.Г. Гулямов. – Ташкент, 1957.
9. Толстов, С.П. Древний Хорезм / С.П. Толстов. – М., 1948.
10. Бурханов, А.А. Этнокультурная ситуация в Среднеамударьинском регионе в эпоху средневековья (к проблеме изучения этнокультурных процессов в контактных зонах Центральной Евразии) / А.А. Бурханов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002.
11. Бурханов, А.А. Средняя Амударья между Ираном и Тураном (к проблеме контактных зон в древности и средневековье) / А.А. Бурханов // Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века. – М., 2002.
12. Бурханов, А.А. Архитектура поселений юго-восточного Туркменистана древнего и раннесредневекового времени / А.А. Бурханов // Miras. – 2006. – №4.
13. Ставиский, Б.Я. Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV–V вв. / Б.Я. Ставиский, Б.И. Вайнберг // Вестник древней истории. – 1972. – №3.
14. Фрай Р.Н. Наследие Ирана / Р.Н. Фрай. – М., 1971.
15. Бурханов, А.А. Арапхана – памятник раннесредневековой культуры в области Амударья / А.А. Бурханов // Мерв в древней и средневековой истории Востока II: культурные взаимодействия и связи. – Ашхабад, 1991.
16. Бурханов, А.А. Арапхана: открытие, которого могло не быть / А.А. Бурханов. – Чарджев, 1993.
17. Бурханов, А.А. Древний Лебап. Культура поселений области Амударья / А.А. Бурханов. – Казань, 2005.
18. Нильсен, В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии / В.А. Нильсен // Архитектура Средней Азии в V–VIII вв. – Ташкент, 1966.
19. Аннаев, Т.Д. Раннесредневековые поселения Тохаристана. – Ташкент, 1988.
20. Мухамеджанов, А.Р. Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э. / А.Р. Мухамеджанов, Р.Х. Сулейманов, Б. Ураков. – Ташкент, 1983.
21. Бурханов, А.А. Область Амударья. Древность и раннее средневековье (к проблеме контактных зон и историко-культурных связей) // Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Амударьи / А.А. Бурханов. – Чарджев, 1993.
22. Бурханов, А.А. К изучению костюма населения Средней Амударьи эпохи раннего средневековья / А.А. Бурханов // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). – Самара, 2000.
23. Беленицкий, А.М. Средневековый город Средней Азии / А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. – Л., 1973.
24. Тереножкин, А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента / А.И. Тереножкин // Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. – Ташкент, 1946.
25. Литвинский, Б.А. Среднеазиатские железные накопечники стрел / Б.А. Литвинский // Советская археология. – 1965. – №2.
26. Пугаченкова, Г.А. Древности Мианкаля / Г.А. Пугаченкова. – Ташкент, 1989.
27. Массон, М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) / М.Е. Массон // Труды Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции. – Т. 13. – Ашхабад, 1966.
28. Пилипко, В.Н. Средневековые памятники северной части Чарджоуской области / В.Н. Пилипко // Новые исследования по археологии Туркменистана. – Ашхабад, 1980.
29. Бурханов, А.А. Амударья-Чарджуй: 2000 лет истории / А.А. Бурханов, М.Ж. Бектасов. – Чарджев, 1994.
30. Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Амударьи. – Чарджев, 1993.
31. Бунятов, З.М. Государство Хорезмшахов – Анутенидов (1097–1231) / З.М. Бунятов. – М., 1986.
32. Бурханов, А.А. Наконечники стрел из крепости Кызкала (Средняя Амударья) / А.А. Бурханов // Культурные ценности 1996. – СПб., 1998.
33. Бурханов, А.А. Древний Лебап. Ч. 1: Памятники Гарабекевюльского оазиса / А.А. Бурханов. – Чарджев, 1994.
34. Амантыев, О. История Туркменистана XVIII века / О. Амантыев. – Ашгабат, 1995.
35. Пилипко, В.Н. Археологическая разведка в Карабекаульском оазисе / В.Н. Пилипко // Новые археологические открытия в Туркменистане. – Ашхабад, 1982.
36. История Туркменской ССР. – Ашхабад, 1957. – Т. 1. Кн. 2.
37. Метгельдыев, С. Социально-экономический строй туркмен Средней Амударьи в XIX в. / С. Метгельдыев. – Ашхабад, 1980.